

– Болит, – тихо, под красный распухший нос буркнула девушка.

– Значит, ещё не болит, раз стоишь, как гвоздём прибитая. Ладно, давай документы, раздевайся, вещи в мешок. Сейчас принесу переодеться. С собой только телефон и зарядку. Остальное у нас до выписки храниться будет. Баул-то приволокла! Жить тут собралась, что ли? Не курорт в нарядах дефилировать! Да аккуратно ты! Размахалась! – хватая двумя руками падающую ёлочку, выпалила женщина. – Ох ты ж! Ангелочка разбила, непутёвая! Не к добру! Ой, не к добру!

Родильное отделение встретило тонким запахом хлорки от выложенных голубой холодной плиткой стен и густым, душащим – от кварцевых ламп. Датчики, круглой приморской галькой прижимавшиеся к животу, то молчали, то противно начинали пищать.

– Не дёргайся! А то назаписываем тут что попало! А нам надо состояние ребёнка отследить. Пришла тут! Пол-обменки без записей! Чудо ещё, что анализы есть! Кого рожать-то собралась? Инвалида? – визгливо, под стать датчикам, выкрикивала белокурая акушерка, снова и снова тыкая острыми ноготками по кнопкам клавиатуры, – и плодятся ж ещё такие!

– Что тут у нас? – прогудело где-то за дверью. В проёме появился огромный, закрывающий весь проём мужчина в длинном, ниже колен, клеёнчатом фартуке. – Угу... Ты посмотри, как у неё схватки-то шпарят! Того и гляди, рожать пойдём, а она не пикнет!

– Ну да, не пикнет! Зато извивается, как пиявка на сковородке!

– А ты что, пиявок жарить умеешь? – хохотнул мужчина. – Отстёгивай её, пусть в «родилку» идёт, посмотрим, какой у неё там внутренний мир.

По скользкому от пота и слюны подбородку из искусанных губ ползла вязкая красная ниточка, пачкая белую одноразовую простыню. У окна, почёсывая жирный щетинистый подбородок, стоял врач, хмуро глядя на наручные часы:

– Вот что ей ещё надо? Давно уже родить должна была! Ребёнок опустился,

ГАЛИНА ЦАРЕГОРОДЦЕВА

С ЧИСТОГО ЛИСТА

Не по погоде тоненькая шапочка ёжилась в толстых коротеньких ладошках, буд-то пытаясь спрятаться, как, собственно, её обладательница, поколачивающая носками сапог о низкие каблуки, топчась у самой двери. С растоптанной незастёгнутой обуви на серую тряпку медленно съезжали комочки набрякшего плачущего снега.

– Чего тебе? – за толстыми стёклами очков кольнули холодом крохотные проталины глаз меж морозного узора морщин, отразились на облупленном выцветшем стеклянном шарике на ветке жиденькой настольной искусственной ёлочки.

Посетительница, хлюпнув распухшим носом, молча протянула исписанный листок.

– Рожать, значит, надумала? По тебе и не скажешь, что собираешься. Живот болит?

воды отошли, капельница капает – рожай не хочю! А воды-то плохие уже! Эх... кесарить-то неохота... Накесарился за сегодня. Женщина, как тебя, говоришь? Настя? Время капает!

Ребёнок родился спустя два часа, сливаясь цветом с голубыми стенами, висящий на руках акушерки комком безмолвной ветоши.

«В реанимацию!» – бухнуло в голове родильницы, пустотой отзываясь в расплуснутом, дрожащем новогодним студнем животе.

В послеродовой палате на покосившейся тумбочке стояла тарелка застывшей пшённой каши и несладкий холодный чай. Пусто, как в одиночной камере. Где-то за стенкой заплакал ребёнок. Не её, чужой. Горло стянул скользкий узел, прервал вдох и лопнул с низким, утробным воем. Пальцы вцепились в тумбочку, задрожали, каша скользнула по голым ногам, стекая в огромные кожаные больничные тапки.

– Ты чего тут разбуянилась, Настасья? – глаза больно слепил свет лампы, усиливающийся в толстых стёклах очков, сползших на самый кончик блестящего, в широких порах, носа. Кололи глаза-проталинки, отчего девушка снова заскулила.

– Ты тут не на псарне, не вой! Рожала – молчала, а теперь чего? Ну, понаблюдают немного. Принесут. А потом что? Никто ж за всё это время не позвонил, не спросил про тебя. Значит, не нужна никому или скрываешься. И жить, поди, негде? Поэтому с баулом припёрлась?

– Не знаю, – с новым воем потянулось из искусанных, скривлённых губ.

– Ну и радовалась бы, если ребёнка Бог приберёт. Куда тебе с ним? По помойкам шататься? По теплотрассам? Мать есть?

– Спилась в прошлом году. Сгорела вместе с домом...

– А отец?

– Не знаю, – пытаюсь сесть, всхлипнула Настя.

– Лежи! Тебе ж и сидеть нельзя сейчас!

Про отца ребёнка тоже не знаешь? – хмыкнула женщина.

– Про него знаю... Не хочу я к нему! Не хочу! – округлив глаза, скомкав край одеяла, как накануне комкала шапочку, быстро, глотая окончания слов, зашептала девушка.

– Измывался, значит... Вот и смотри – куда тебе ребёнок? Выживет – не выживет, а лучше оставь его. Хоть накормлен, напоен будет. Тебе себя пристроить бы куда, да не скатиться. Девка, вижу, скромная, тихая... Только такие-то и пропадают чаще. Так что восстанавливайся и забывай, что была тут, – уже вставая, вздохнула женщина. – Меня, кстати, Ниной Аркадьевной зовут. Простынь чистую, подкладные – это ко мне.

– Ну что, выписываться собираешься? Мне палату мыть нужно. Пока ты тут сидишь, в родильном рожают, а мест свободных нет! – Нина Аркадьевна стояла в дверях, подпирая обтянутые халатом бока, – давай-давай! В коридоре постоишь, сейчас твой баул вытащу! Переоденешься внизу.

– Я ребёнка жду, – закусив покрытую коркой губу, буркнула Настя.

– Ребёнка, – ахнула женщина, – и куда с ним?

– Настя... Пожитина, – тебя ждут на выписке. Мужчина какой-то, – крикнули из коридора.

– Вот, ещё и пришли за тобой уже. Иди давай!

– Нина Аркадьевна, это ж он! Спрячьте меня! Я лучше на улице жить буду, чем с ним! – рванулась в дальний угол палаты девушка.

– На улице! Знаешь, прятать тебя тут никто не будет! Обидит – полицию вызовут, а выписываться надо. Не занимай место, говорят тебе! – снова прикрикнула Нина Аркадьевна.

Еле волоча ноги, будто только что после родов, Настя медленно брела, держась за холодную стенку, к выходу, не поднимая глаз от кафельного белоснежного пола.

— Вот, папочка, ваш сын! Слабенький ещё, еле выходили, но живучий! В рубашке родился, — слышалось сквозь открытую дверь. Дрожь зародилась где-то внутри, поднялась вверх, пробежала по рукам, свела ноги... Настя осела, обхватила голову руками...

— И чего расселась? — снова громыхнул голос Нины Аркадьевны. — Вставай давай! Ребёнка забрать решила, а сама сидит тут!

У нас с сыном квартира большая, всем места хватит. Вставай и вперёд, навстречу новой жизни!

Настя подняла глаза. Маленький голубой конвертик с огромным бантом неуклюже держал худощавый светловолосый парень с глазами-проталинками поверх очков в тонкой оправе и улыбался. Где-то за окном празднично перекликались друг с другом колокола.